

Илья Добренко

АНДРЮША, ДО ВСТРЕЧИ!

*«Надейся на Господа, мужайся,
и да укрепляется сердце твое,
и надейся на Господа»
(Пс. 26:14).*

ББК 86.376
Д 77

Добренко И.

Д 77 Андрюша, до встречи! — Киев: «Джерело життя»,
2014 — 128 с.

ББК 86.376

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
После суда	7
Беспомощность	29
Кошмар	52
Перемены	78
Приходите!	93
Признание	103

* * *

Проходит время – и то, что вчера было реальностью, сегодня кажется таким далеким и призрачным. Еще вчера вызывали в кабинеты, штрафовали за пение на богослужениях, отбирали религиозную литературу... А сегодня, кажется, открыты все двери издательств, печатающих красочные христианские книги, больниц и детских домов для проведения благотворительной работы, домов культуры, где верующие выступают на праздниках, надеясь, что когда-нибудь наша любимая Церковь-страдалица перестанет быть сектой, штундой, сборищем...

Только каким-то холодом веет от этой свободы. Все прежние чувства: любовь и жестокость, предательство и верность, героизм и низость – покрывла плотная пелена равнодушия. Все погрузились в тягучую, страшную дремоту... И только где-то далеко чуть слышно бьется материнское сердце. Бьется, от-

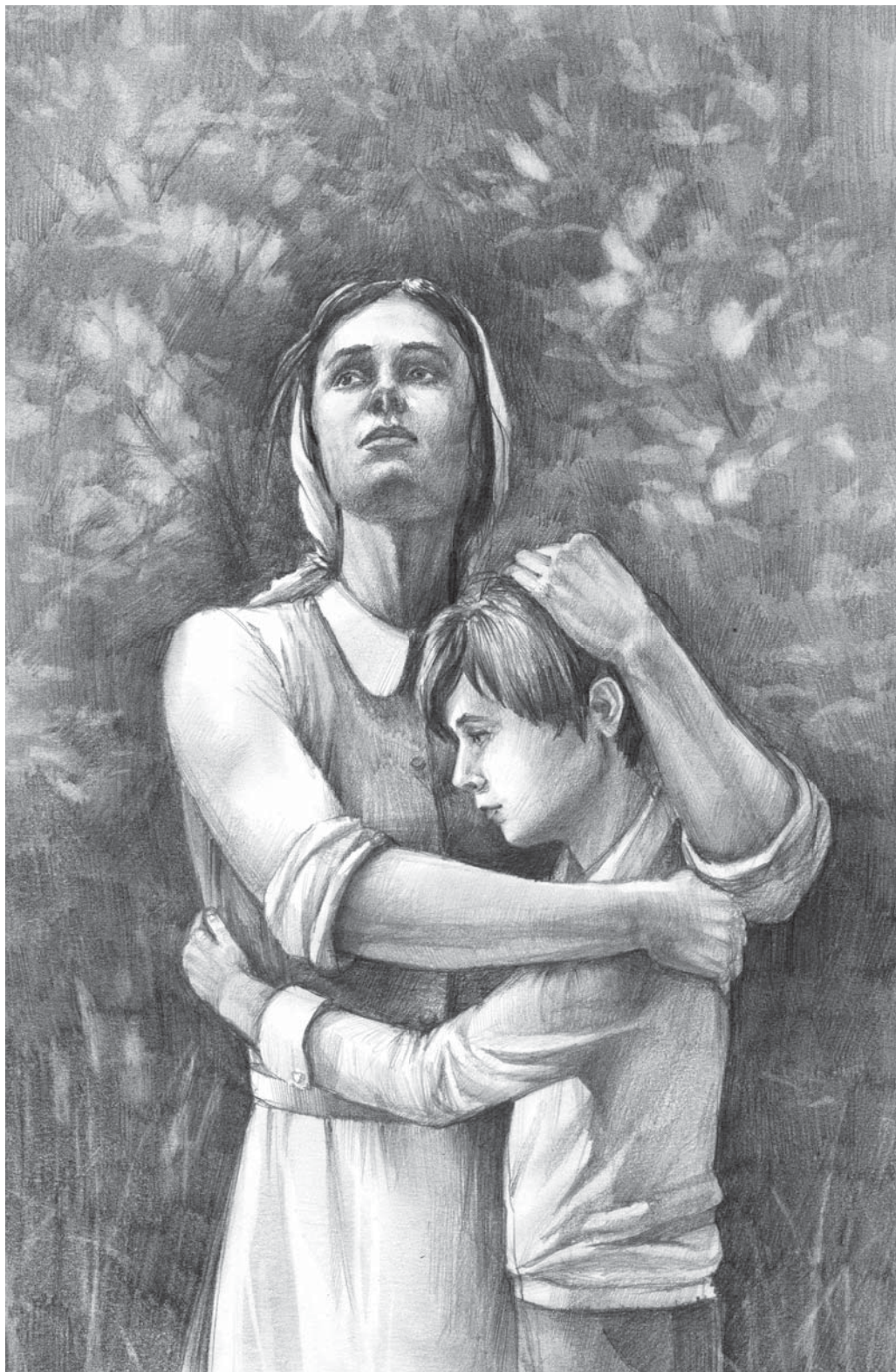
зываясь невыразимой грустью о сыне, отобранном много лет назад. Бьется, одаривая прощением тех, кто это сделал, и тех, кто молча смотрел на это. Бьется, озаряя все вокруг лучами веры. Послушайте, как бьется это сердце...

В этой повести сплелось в одну много реальных историй. Пусть строки архивных документов говорят сами за себя, а я просто не хочу, чтобы такое забыли, и мечтаю, что когда-то наступит долгожданное воссоединение тех семей, которых разъединила, разбросала злая сила в этом мире.

Посвящаю моим дедушкам и бабушкам, прошедшим через многие испытания, а также всем труженикам на ниве Божией в советский период.

**Памяти
ПИРОЖКОВОЙ
Ольги Викторовны**

Искренне ваш, Илья Добренко

ПОСЛЕ СУДА

Из Кодекса о браке и семье:
Статья 52 «...воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма».

Статья 59 «...родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они... оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением».

Статья 64 «...отобрание ребенка без лишения родителей родительских прав».

Май 1975 года.

В небольшой чистой комнате не слышно ни звука. Возле окна стоит молодая женщина, держа в руках стопку желтоватых листов бумаги. Она опрятно и просто одета. Мужа у нее нет – погиб на производстве. Родственники – далеко. Единственная драгоценность – сын Андрюша – живенький, смысленый мальчик, оканчивающий 3 класс. Зовут ее Мария. Или «богомольная»... Или «штунда»... По-разному

называют ее люди в их небольшом поселке. Руководитель партийной ячейки на заводе именуется «наш позор». В магазине продавщица обращается не иначе как «враг народа». Но сейчас ей было не до этого. Мария внимательно читала решение районного народного суда...

«ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ...

...рассмотрели в открытом судебном заседании иск районного отдела народного образования к Иванченко Марии Васильевне о лишении родительских прав в отношении сына Андрея Владимировича, 13 ноября 1966 года рождения...

...ссылаясь на то, что ответчица, являясь членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, не пускает Андрея в школу, изнуряет его физически постами и религиозными обрядами, оказывает на него вредное влияние, суд считает, что пребывание Андрея на воспитании у матери опасно...

...В соответствии со статьями Кодекса о браке и семье УССР, родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно-полезной деятельности, обязаны направить несовершеннолетних детей на обучение в школу в соответствии с законом о всеобщем обязательном обучении...

...Как установлено при рассмотрении дела, ответчица по субботам сына Андрея в школу не пускала, запрещала ему принимать участие в общественной жизни класса и школы. Ответчица привлекала Андрея к совершению различных религиозных обрядов, внушала ему антинаучные, извращенные представления о жизни и окружающей его среде.

...влияет на психику ребенка: мальчик молчалив, замкнут, запуган, отказывается говорить, часто задумывается, всегда взволнован. Мальчик упорно и бездумно повторяет внушенные ему религиозные догматы, у него обнаруживается раздвоенность взглядов на события и окружающую его среду. Мальчик раздражителен, подавлен...

...Из постановления комиссии по делам несовершеннолетних от 12 октября 1974 г. видно, что сын ответчицы часто пропускает занятия в школе и ответчица не намерена отправлять его в школу в субботные дни и в дальнейшем. Из акта от 8 февраля 1975 г., составленного председателем и депутатами Сельского совета, следует, что Иванченко Андрею дома не созданы надлежащие условия для занятий, готовит уроки он в кухне, стоя у высокой тумбочки. При рассмотрении дела также установлено, что ответчица лишает сына, в силу религиозных убеждений, продуктов животного происхождения, в результате чего мальчик истощен, кроме этого у него синдром повышенной раздражительности, он нуждается в стационарном лечении, что под-

тверждается справкой райпедиатра от 16 марта 1975 г. и его объяснениями на судебном заседании.

...оставлять Иванченко Андрея на воспитании у матери опасно для него, в интересах Андрея его следует отобрать у матери...

...решил отобрать у Иванченко Марии Васильевны сына Иванченко Андрея Владимировича, 13 ноября 1966 года рождения, без лишения родительских прав и передать на попечение органов опеки и попечительства.

Копия верна

Народный судья (подпись)

Секретарь (подпись)».

Несколько слезинок упало на желтоватые листы. «Что же делать? Что же делать?». Мария села, положив листы на потрескавшийся подоконник...

Перед глазами стояли последние минуты суда, состоявшегося на прошлой неделе. Когда решение было зачитано, она больше не могла ничего говорить – расплакалась. В голове пульсировала мысль: «Это за веру, это за Бога, Мария, терпеть нужно...», но сердце разрывалось от человеческой обиды. Вокруг стояли люди, и никто даже слова не сказал в ее защиту! «Как они могли написать, что Андрюша замкнут?» Любой мог бы подтвердить, что беззаботней и веселее ребенка в их поселке не сыскать. А пожилая соседка то и дело говорила: «Какой умный и живенький мальчонка у тебя, Маша. Все в поселке его любят!». Да, уроки он частенько де-

лал на кухне, но не из-за того, что не было места в комнате, а потому, что любил смотреть, как мама готовит что-то вкусное... Мария села, закрыла лицо руками и продолжала плакать: «Забирают Андрюшу, ребенка у меня отбирают... Что делать? Что делать?» Кто-то поставил перед ней стакан с водой, но ни один человек даже не прикоснулся, не обнял эту несчастную женщину.

Свидетелей со стороны Марии не было. Все боялись сказать хоть одно словечко в защиту. Оставалась последняя надежда на кассацию. Прямо в зале суда, немного успокоившись, она начала писать кассационную жалобу, хотя не слышала еще ни об одном случае, чтобы кто-то удовлетворил жалобу от «штунды». Но надежда на то и есть надежда, что она не умирает... Поэтому Мария пыталась как можно точнее описать всю несправедливость по отношению к ней. Знала, что 1,5 месяца ее трогать не будут, и Андрюша будет с ней, а дальше...

В дверь постучали. Сердце Марии испуганно сжалось. Глянув в окно, она никого не увидела. Подойдя к двери и услышав знакомый голос, открыла дверь.

- Ты, Света?
- Я, я, а кто же еще?
- Да мало ли...

Сестры во Христе обнялись, а потом сели возле стола.

– Ну как ты? Успокоилась уже? Никаких новостей нет?

Мария ничего не ответила, только слезы снова появились в ее глазах. Света села ближе и накрыла ее руку своей.

– Маша, мы все за тебя молимся. Жаль, что больше ничего сделать не можем. Но будем надеяться, что Бог поможет.

– Да и я, Светочка, надеюсь... Спасибо, кроме вас, у меня ведь никого нет.

– Бог над нами. Все видит и Андрюшу твоего не оставит.

– Света, я уеду скоро.

– Как уедешь? Куда?

Света удивленно посмотрела на сестру.

– Я тихонько Андрюшу отвезу километров за 200 отсюда, к подруге, а сама вернусь и буду ждать. Пусть лучше меня терзают, лишь бы его не тронули. Решение не в мою пользу примут, чувствую я... Но родительских прав меня пока не лишили. Подожду немного – может, как-то и забудется все это.

– Мария, ты представляешь, как с тебя спрашивать будут, как издеваться?

– А что, пусть лучше Андрюшу заберут? Не отдам! Ни за что не отдам, понимаешь?

– Ладно, ладно тебе. Понимаю я все... Бог в помощь тебе.

– Спасибо, Светочка. Как там здоровье твоих? Как мама?

– Слава Богу, все нормально. Завтра ты придешь к Левченкам вечером?

– Бог даст, приду. Кстати, может, чаю заварю, останешься?

– Нет, Мария, побегу я. Хочу еще в магазин зайти.

Через несколько минут в комнате снова было тихо. Мария думала о предстоящей поездке. «Андрюше тяжело будет без мамы у подруги, но все равно лучше, чем в интернате». А за себя она не боялась...

Вспомнила, как несколько лет назад у них Молитвенный дом забирали...

Пришли все на собрание – дверь опечатана. Постояли, помялись немного, а потом вспомнили, что в доме еще одна дверь маленькая есть – может, ее не опечатали? Подошли к двери – точно!

Вошли внутрь, помолились, несколько псалмов спели, как слышат – уже двери гремят входные и кто-то здание обходит. Дверь открылась, зашел участковый милиционер.

– Я спрашиваю: кто разрешал в здание входить?

Его лицо побагровело, а кулаки сжались. Все молчали.

– Я еще раз спрашиваю: кто разрешал в опечатанное здание входить?

Пресвитер церкви, пожилой Арсений Иванович поднялся и сказал:

– Товарищ милиционер, это наше здание, церковное, и община наша зарегистрирована по закону. Мы вошли через дверь и никаких печатей не срывали. Мы в мирных целях собрались, пообщаемся и разойдемся.

Дверь отворилась, и вошли еще трое в милицеской форме. Участковый не унимался. Он подошел к Арсению Ивановичу, по ходу опрокинув несколько стульев.

– Наверное, это твоя идея была, шпион проклятый, вот за нее ты и поплатишься. Собирайся, пойдешь с нами, а вы, остальные, вон отсюда! Это уже не ваше здание, а библиотечное. Вон отсюда, я сказал! И чтобы я вас здесь не видел, штунды богомольные! Поразводилось...

Мария, молча наблюдая за всем, знала, что у Арсения Ивановича уже было несколько хождений в милицию и это вряд ли хорошо закончится, тем более что в последнее время его сердце непрестанно болело.

– Это моя идея была, я всех уговорила войти.

Ее спокойный, но твердый голос обратил на себя внимание окружающих. Участковый медленно повернулся и посмотрел на Марию.

– Твоя? Кто ты такая? Как зовут?

Арсений Иванович делал ей знаки, чтобы она замолчала.

– Иванченко Мария. Это моя идея, и если вы его, – она указала на пресвитера, – не отпустите, то я за вами пойду и начальнику скажу, что это я виновата.

Бабушка Прасковья, стоявшая возле Марии, пыталась одернуть ее.

– Мария, – шептала она, – у тебя же ребенок! Что ты делаешь?

Мария стояла, не шевелясь. Участковый покачал головой.

– Вы, товарищ, понимаете, что говорите?

– Да, товарищ милиционер.

– Тогда вы пойдете с нами. Всем остальным я ясно сказал: «Разойтись!».

Мария в сопровождении трех мужчин в милицейской форме шла в отделение. Один держал ее за руку, выше локтя, чтобы не убежала. Участковый уехал раньше на мотоцикле. Люди вышли к заборам и молча смотрели на происходящее. Машу все хорошо знали и понимали, за что ее ведут в отделение милиции. Сначала женщине было немного стыдно, что все смотрят на нее, а потом ей даже стало как-то смешно. Она улыбнулась и сказала:

– Товарищи милиционеры, вы хоть перед людьми-то не позорьтесь. Не убегу я от вас, отпустите руку. Что ж вы молодую женщину втроем ведете? Бойтесь, что убегу?

Один, с угрюмым выражением лица, кивнул милиционеру – и ее руку отпустили. До здания милиции они дошли минут за пятнадцать.

Марию сразу повели в кабинет к начальнику. За закрытой дверью раздавался резкий голос. Мария

слышала обрывки фраз: «Как это забыли опечатать, я спрашиваю?», «Почему никто не дежурил?»... Кто-то тихо оправдывался. Через пять минут из кабинета вышел участковый с багровым лицом, и туда завели Марию. Начальник рассматривал какие-то бумаги на столе, а потом поднял глаза на женщину. Пронзительный взгляд его серых глаз, казалось, достигал самых внутренностей. Он пытался понять, что за человек перед ним.

– Имя.

– Мария.

– А фамилия есть у тебя?

– Иванченко.

– Судима?

– Нет, товарищ начальник.

– Видно, очень хочешь?

– Нет, товарищ начальник.

Он закурил и резким жестом указал на стул. Потом отправил всех за дверь. В кабинете на мгновение воцарилась гнетущая тишина. Начальник еще раз внимательно посмотрел на Марию.

– Товарищ Иванченко, что вы прикажете с вами делать? Вы знаете, что бывает с теми, кто входит в опечатанное здание?

Мария попыталась улыбнуться и промолвила:

– Дверь, через которую мы вошли, не была опечатана, товарищ начальник.

– Вы мне здесь не умничайте! Те, кто не проследил за этим, уже понесли наказание, а вам еще пред-

стоит. Может, вы хотите сказать, что не видели, что входные двери опечатаны?

Мария молчала. Обманывать она не могла, хотя знала, что это могло бы смягчить наказание. Начальник, не отрываясь, смотрел на нее.

– Ну, что вы молчите, товарищ?

– Здание ведь церковное...

Он оборвал ее, стукнув по столу рукой.

– Никакое оно не церковное! Есть решение отдать его под библиотеку. Не церковное, слышите?! А вы вошли туда без спросу!

– Но ведь мы не знали...

– Вы, верующие, всегда чего-то не знаете и не слышите, только голову нам морочите вашими собраниями. Почему дома не сидеть и не верить в кого угодно? Чего собираться?

– Вера наша...

– Американская вера, а не наша! Шпионская вера, слышите, что я вам говорю?! Понапридумываете чего-то, а нам потом расхлебывать!

Начальник разошелся не на шутку, но через минуту успокоился.

– Откуда только берутся эти веры?.. Вместо того чтобы верить в идеи, народом выстраданные, строить общество наше, вы на все заграничное падки. Что вы по этому поводу думаете, товарищ?

Мария, набравшись смелости, сказала:

– Но ведь Маркс и Энгельс тоже заграничные...

Начальник, услышав эти слова, улыбнулся.

– Ты посмотри, какая образованная. Это вас так в церкви учат?

Немного помолчав и еще раз посмотрев на какие-то бумаги на столе, он спросил:

– Дети есть?

– Сыночек, 4 года.

– А о ребенке кто думать будет, если ты в тюрьму попадешь?

Сердце Марии сжалось. Еще идя по улице, она тихонько молилась, чтобы Бог не допустил беды, и сейчас мысленно продолжала делать это.

– Ладно, товарищ Иванченко, на этот раз вам прощается, но если вы попадетесь еще раз – будут большие неприятности, понятно?

– Понятно, товарищ начальник.

Домой Мария летела как на крыльях. Там ее уже ждал Арсений Иванович и другие братья и сестры, которые все это время молились, чтоб ее отпустили. Когда она зашла в дом, многие плакали от счастья. Схватив Андрюшу на руки, Мария и сама не могла сдержать слез.

На следующий день, проходя мимо церкви, она видела, как вывозят стулья и старенькое пианино и заносят стеллажи для книг. С того времени они начали собираться в доме семьи Левченко, которая выделила для служений большую комнату. Жалели только, что вместе с пианино забрали несколько бесценных хоровых сборников.

На лице Марии появилась счастливая улыбка, когда она вспомнила, как Бог спас ее. Женщина вернулась к домашним делам, нашептывая обетования Божьи и тихонько напевая: «...Единый Утешитель среди бедствий и скорбей...».

На следующий день, вечером, у Левченко все разговоры только и были о Марии и о судебном деле. Вздохали, кто-то и всплакнул немного, советовались, что делать, потом решили молиться об этом и пост назначить на неделю. В шесть часов вся община была в сборе – в комнате едва хватило места, чтобы разместить всех братьев и сестер. Помолившись и негромко спев несколько псалмов, приготовились слушать Арсения Ивановича. Тот достал старенькую Библию, бережно открыл ее, посмотрел на всех присутствующих и начал говорить:

– Слава Господу Богу нашему, что мы еще живы, что, несмотря на все трудности и переживания, Он не оставляет нас. Последние две недели были нелегкие, но мы собрались, чтобы черпать утешение из Слова Божьего...

Мария слушала проповедь очень внимательно, ловя каждое слово, сказанное о Божьей любви и милости. Арсений Иванович понимал настроение всех присутствующих, поэтому читал тексты о надежде, о скором Приходе Иисуса Христа – то, что было особенно приятно слышать каждому адвентисту. На эту встречу пришло несколько незнакомых Марии

людей. Они тоже внимательно слушали, хотя часто посматривали на окна и вздрагивали от случайных звуков, доносящихся с улицы.

Когда проповедь закончилась, Арсений Иванович поднял руку и сказал:

– Пожалуйста, послушайте все. У меня очень важное объявление. К нам через субботу придет проповедник.

Комната наполнилась оживленным гомоном. Для их маленькой общины это было большое событие – настоящий праздник.

Все одобрительно зашумели.

– А кто? Откуда?

Оказалось, что это был друг Арсения Ивановича, о котором он, если бы хотел, мог рассказывать часами. Около получаса он рассказывал всем присутствующим, через что пришлось пройти этому проповеднику, сколько горя и страданий вынесла его семья. В маленькой комнатке было тихо. Иногда слышно было, как кто-то тяжело вздыхал, думая о переживаниях, которые испытывали пастыри и проповедники.

Мария шла по улице от Левченко и думала об услышанном. Рассказ Арсения Ивановича помог ей отвлечься от собственных проблем и поразмышлять о судьбе Церкви. Уже не в первый раз, когда на душе было тягостно, женщина вспоминала о жизненном пути многих верующих, пострадавших за истину. «А сколько проповедников не вернулось из тюрем? Без

братского общения, в грязных казармах или на промерзлой земле далекого Севера многие из них прощались с жизнью со словами надежды на устах... Вот недавно рассказывали о пасторе из Сталинабада, по-моему, его фамилия – Короленко... Брат приводил ко Христу много людей. А однажды 54 человека сразу крестил, в основном молодых юношей и девушек. Вот тогда-то его власти и заметили. Обвинили в таком... стыдно и подумать (Мария с ужасом вспомнила обстоятельства обвинения). Только через 8 лет после многих тюрем и трудностей он смог вернуться домой, измученный и больной. Вот это испытания жизненные, вот это верность!». Живо представляя себе эту картину, Мария чувствовала, как ее сердце начинало стучать сильнее. Она спрашивала себя: «Мария, а как же ты? Почему плачешь, почему волнуешься? Христос сказал: “Меня гнали, будут и вас гнать”. А ты еще не до крови сражалась! И жизнь никто не отбирает, и в тюрьму не сажает... Бог милует и благословляет. Подумай только!». Смотри вдаль, Мария снова и снова давала обещание Богу: «Если нужно, Господи, то за Тебя все терпеть буду, останусь верной до конца!».

Мария тогда еще не знала, насколько время испытаний приблизилось к ней.

Прошло несколько недель. До отъезда оставалось совсем немного времени, и поэтому Мария

начала складывать вещи сына. «Самое главное – увезти отсюда», – думала она и надеялась, что Бог благословит ее план. На кухне потрескивало радио. Отрывками до Марии доносились слова: «...широкое вовлечение рабочих и крестьян в советский государственный аппарат, в хозяйственное строительство, в партийную и профсоюзную работу... переход к мирному строительству, обеспечившему мощное развитие хозяйства и построение социалистической экономики...». Вдруг она услышала, как хлопнула входная дверь, а через несколько секунд, как маленький ураган, в комнату влетел Андрюша, чуть не споткнувшись о коврик, лежавший у порога.

– Привет, мамочка! Я уже вернулся! А что это ты складываешь? Мы что, уезжаем куда-то? К бабушке?

На его только что веселом личике появилось озадаченное выражение. Мария внимательно посмотрела на сынишку: волосы растрепались в разные стороны, глаза и щеки горели, школьная сумка – в пыли.

– Так, а ну быстро иди умойся, приведи себя в порядок, а потом задавай вопросы! – строго, но с улыбкой сказала она.

– Мамочка, ну скажи мне: куда мы едем?

– Андрюша, я что сказала? Ты как будто не из школы пришел, а с войны – весь грязный, взлохмаченный.

– Да это я с Санькой наперегонки бежал. А он мне препятствовал!

Мария рассмеялась:

– Где это ты таких слов набрался? В школе?

– Да нет, мамуля! Это же Арсений Иванович всегда говорит: «Не препятствуйте, не препятствуйте».

– Так, ладно, иди умывайся, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Через минуту Андрюша вернулся.

– Садись сюда и внимательно меня слушай.

– Хорошо, мамочка.

В последнее время Андрюша часто видел маму печальной. Не зная, что стало причиной этого, он пытался вести себя как можно лучше, хоть чем-то радуя маму.

– Андрюша, только давай сразу договоримся, что ты никому не скажешь, даже Саньке, то, что сейчас скажу тебе я. Это будет наш секрет, договорились?

– Договорились.

– Андрюша, как только закончатся занятия в школе, мы поедем с тобой в гости к моей хорошей подруге. Там ты еще ни разу не был. Но об этом никто не должен знать. Ты погостишь у нее немного, а мне нужно будет вернуться сюда.

– Но, мама, я не хочу там без тебя оставаться!

– Андрюшенька, нужно.

Мария еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Тебе нужно будет немного потерпеть, пока я здесь улажу все дела. А я буду писать письма и скоро приеду к тебе. Идет?

Андрей болтал ногами и смотрел куда-то в окно. Видно было, что он расстроился, узнав, что придется остаться у незнакомых людей без мамы.

– Ты меня слышишь, сынок?

– Мама, а можно я с тобой приеду? Буду помогать тебе. Во всем буду помогать!

Сердце Марии сжалось:

– Сыночек, давай мы не будем спорить. Сделаем так, как я сказала, а потом посмотрим. Договорились?

Низко опустив голову, Андрей кивнул в ответ.

Ужинала маленькая семья в тишине. Но вскоре настроение снова улучшилось, и, быстро справившись со своей порцией, Андрюша сказал:

– Мама, а ты представляешь, что мне учитель сегодня сказал?

– Ну и что же?

– Он сказал, что Бога придумали люди, чтобы пугать им непослушных детей. Это что, правда?

– Ну, как же правда, миленький? Нет, конечно! Бог всегда был, и никто Его не придумывал.

– А почему же учитель так говорит?

– Он просто в Бога не верит. А может, и верит, но боится в этом признаться.

– А я спросил учителя об ангелах... Ведь ангелы есть же? Они меня ночью охраняют.

– Правильно. И что он ответил?

– Он сказал, чтобы я не говорил глупостей, потому что ангелов тоже придумали. Но ведь это неправда? Да, мамуля?

– Неправда. Ангелы есть, и они тебя всегда будут охранять. Вот будешь ты у тети Лены – они и там всегда с тобой будут.

Мария задумалась: «Тяжело будет Андрюшке в жизни, если он верующим будет. Сколько в школах издеваются! Вот проповедник опыт рассказывал, как его сына в школе преподаватель географии обозвал врагом народа и скотиной, а на одиннадцатилетнюю дочку написали акт в райисполком и при всех детях сказали, что будут судить. И точно: эту девочку, дочку проповедника, вызывали в исполком районного совета депутатов трудящихся на суд административной комиссии. Ужас! А в соседнем районе учитель сказал мальчику-баптисту: “Я таких, как ты, расстрелял двоих, а тебя в спецшколу отправлю!”»...

– Мам, а, мам! Ты чего не улыбаешься?

– Да, сынок... Сейчас улыбнусь.

– Улыбайся, улыбайся! Потому что у нас есть ангелы, а у других нету.

– И у других есть...

– И даже у Петьки, который меня обижает, у него тоже ангел есть? И у Василия Порфирьевича? Ведь он в них совсем не верит?

– Андрюшенька, Бог всех людей любит. Всем солнышко и дождик дает. И ангелы всем помогают.

Мальчик устремил свой взгляд куда-то в окно. То, что сказала мама, с трудом укладывалось у него в голове.

– Андрюша, давай садись за уроки, а то уже поздно. Стих выучил?

– Выучил!

«Этот чистит валенки, моет сам галоши,

Он хотя и маленький, но вполне хороший».

– Так, а теперь весь стих рассказывай. А еще – математика...

На полу стоял внушительных размеров коричневый чемодан, до половины наполненный детскими вещами. Рядом с ним лежала пожелтевшая стопка газет. Мария как раз взяла очередную и завернула в нее Андрюшины ботинки. То и дело она поднимала голову и смотрела куда-то в окно, где на небесах проплывали белые облака, и все было так спокойно и хорошо. До отъезда оставалось всего несколько часов.

«Хорошо, что в школе начались каникулы – на первых порах никто не будет ничего спрашивать о сыне, а потом...» А что будет потом, Мария не знала. Андрюша бегал с ребятами на улице. Мария позвала его, чтобы привести в порядок перед дорогой. Когда он кушал, она смотрела на него невидящими глазами.

– Мам, ты чего на меня так смотришь? Мам, мам, ты слышишь?

От этих слов Мария вздрогнула и устало опустила голову.

– Слышу, слышу, сыночек.

– О чем ты думала?

– Да так, ни о чем.

– Мама, а ты купишь мне мороженое и лимонад по дороге?

– А тебе не много будет? Давай что-то одно.

Немного подумав, Андрюша ответил:

– Пусть будет одно: две бутылки лимонада или две порции мороженого. Идет?

Сказав это, он вскочил со стула и крепко обнял маму.

– Ладно, ладно тебе... Куплю тебе чего-нибудь, мой сладкоежка! А еще вот что я тебе скажу: когда будешь в гостях, пожалуйста, веди себя как воспитанный мальчик...

В голове Марии промелькнуло «воспитанный в духе коммунизма...», и она тут же добавила:

– ...как настоящий христианин. Договорились?

– Не переживай, мамочка, договорились.

Пытаясь избежать лишних расспросов, Мария отослала Андрюшу на станцию раньше. Чемодан помог отвезти один из членов их маленькой общины. Взяв небольшую сумку, документы и деньги, Мария остановилась возле порога и в слезной молитве просила Бога устроить их путь.

БЕСПОМОЩНОСТЬ

В поезде было совсем немного людей. В соседнем купе тихонько звучали гитара и чей-то приятный голос напевал:

Весть летит во все концы:
Вы поверьте нам, отцы, –
Будут новые победы,
Встанут новые бойцы!
С неба милостей не жди!
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути!
В мире – зной и снегопад...
Мир и беден, и богат...
С нами юность всей планеты –
Наш всемирный стройотряд!

Под мерный стук колес многие дремали. Вглядываясь в красочные пейзажи, пролетающие за окном, Мария чувствовала грусть и радость одновременно. Ей уже не доставало веселого Андрюши, но его безопасность была намного важнее временной разлуки.